

УСПЕХИ ФИЗИЧЕСКИХ НАУК

О ТАК НАЗЫВАЕМОМ ФИЗИЧЕСКОМ ПОНЯТИИ МАТЕРИИ

С. Г. Суворов

1. СУЩЕСТВУЮТ ЛИ У ЛЕНИНА ДВА ПОНЯТИЯ МАТЕРИИ?

В советской литературе, посвящённой философским трудам В. И. Ленина, широко распространено суждение о том, будто Ленин разграничил философское понятие материи от её физического понятия, что таким образом Ленин ввёл два понятия материи.

Вопрос этот заслуживает серьёзного обсуждения ввиду принципиальных выводов, которые делаются из указанной формулы.

Настоящая статья ставит себе целью показать, что у Ленина нет и не могло быть двух (или даже нескольких!) понятий материи, что эта концепция «двух понятий» материи надумана и что она наносит вред делу марксистской перестройки естественных наук и, прежде всего, физики.

1. Марксизм впервые дал научное определение материи как философской категории. Это определение состоит в решении «высшего вопроса всей философии, вопроса об отношении мышления к бытию, духа к природе» (Ф. Энгельс). Оно утверждает примат (первичность) материи над сознанием.

Можно ли дать существенно иное определение материи как философской категории?

Нет, нельзя.

Ленин рассматривает этот вопрос, рассматривает в связи с тем, что российский махист Богданов «опровергал» подобное определение. Ленин пишет: «Богданов, делая вид, что он спорит только с Бельтовым, и трусливо обходя Энгельса, возмущается подобными определениями, которые, видите ли, „оказываются простыми повторениями“ („Эмпириомонизм“, III, XVI стр.) той „формулы“ (Энгельса, забывает добавить наш „марксист“), что для одного направления в философии материя есть первичное, дух—вторичное, для другого направления—наоборот. Все российские махисты в вос-

торге повторяют богдановское „опровержение“! А между тем, самое небольшое размышление могло бы показать этим людям, что нельзя, по сути дела нельзя дать иного определения двух последних понятий гносеологии, кроме как указания на то, которое из них берётся за первичное... Достаточно ясно поставить вопрос, чтобы понять, какую величайшую бессмыслицу говорят махисты, когда они требуют от материалистов такого определения материи, которое бы не сводилось к повторению того, что материя, природа, бытие, физическое есть первичное, а дух, сознание, ощущение, психическое — вторичное» *).

Данное марксизмом определение материи как философской категории является предельно широким и всеобъемлющим. Оно явилось обобщением многовековой борьбы материализма с идеализмом, завоеванием диалектического материализма.

Марксизм научно обосновал первичность материи над сознанием. Эта истина, добытая марксизмом, является абсолютной, развитие конкретных наук, в частности естествознания, будет лишь подтверждать её, давая ей всё более широкую основу, следовательно, подтверждать марксистское определение материи как философской категории. Другого научного определения материи как философской категории нет и не может быть.

Однако сказанное не означает, что форма определения материи как философской категории остаётся неизменной, что она не развивается; определение материи, сохраняя своё основное содержание, становится богаче, острее в борьбе против новых форм идеализма. Такое развитие формы определения материи дал Ленин в своём гениальном труде «Материализм и эмпириокритицизм».

Чтобы понять, в каком именно смысле определял Ленин материю как философскую категорию, и что нового в смысле развития формы внёс он в это определение, мы рассмотрим обстоятельства той идеологической борьбы, в ходе которой Ленин и дал определение материи.

Итак, в какой связи Ленин определяет материю как философскую категорию? Против кого направляет своё определение?

2. Как известно, книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» относится к тому периоду, когда идеализм, пользуясь разрушением старых представлений о материи, создавшихся у естествоиспытателей, и гносеологической беспомощностью метафизического материализма, пытался истолковать тогдашнюю новейшую революцию в физике в свою пользу и против материализма. Этот идеализм, против которого Ленин и направил оружие своей гени-

*) В. И. Ленин, Соч., т. 14, Материализм и эмпириокритицизм, стр. 133—134. В дальнейшем ссылки на страницы этого труда даются в тексте в скобках.

альной критики, имеет свои особенности: выдвижение гносеологических вопросов, использование новейших достижений науки, попытка изобразить себя как «третью силу», стоящую «над» материализмом и «над» идеализмом.

Идеалисты, особенно позитивисты, старались запутать основной вопрос философии об отношении бытия и мышления, материи и сознания. Они заявляли о том, что современная наука якобы поднимается выше этого противопоставления, что материализм и идеализм оба ненаучны, несовместимы с современной наукой, что с ней совместима будто бы только позитивистская теория познания.

Тот факт, что позитивистская форма идеализма стала в 20-м веке преобладающей среди других идеалистических школок, неслучаен. Он связан с развитием внутренних противоречий капитализма, в частности, с противоречивым положением при капитализме естественных наук: последние могут успешно развиваться лишь на базе материализма, но господствующие классы, используя достижения естествознания в своих классовых интересах, идеалистически истолковывают естествознание и пытаются использовать его как «основание» идеализма. Этот факт связан также с той существенно новой ролью философии, которая с появлением диалектического материализма «стала научным оружием в руках пролетарских масс, борющихся за своё освобождение от капитализма» (Жданов). Чем сильнее наука захватывала в свою орбиту относительно всё более широкие круги демократических слоёв, чем острее становилась классовая борьба в политике, тем острее шла борьба философских партий в естествознании — борьба идеализма и материализма. В этой обстановке идеализму приходилось и ныне приходится выступать под личиной наукообразности, маскироваться плащом «объективности».

В этом смысле позитивизм в науке играет такую же реакционную роль, какую в политике играет правая социал-демократия, стремящаяся обрисовать себя перед рабочим классом в виде идеологии «третьей силы», якобы стоящей «над» «крайностями» капитализма и социализма, а по существу пытающейся приукрасить и прикрыть наиболее озверелый империализм — американский. Буржуазия стала нуждаться в этой «третьей силе» как в своём прикрытии с того времени, когда на арену политической борьбы вышел пролетариат.

3. Выдавая себя за «третью силу» в философии, позитивисты стремятся запутать вопрос о реальности. С одной стороны, они борются против материализма и стало быть против признания всякой объективной реальности. С другой стороны, они выдают себя за сторонников «теории познания новейшего естествознания»; это вынуждает их делать вид о возможности примирить свою философию с естествознанием. Отсюда их заигрывание с понятием «реальности».

Но какой смысл вкладывают позитивисты в понятие «реальности»? Реальность у них — туманный «объект» науки, «объект» мышления и ощущения, который отнюдь не является материей. Таким образом, позитивисты пытаются занять весьма «хитрую» позицию: против материи, но за «реальность» объекта познания!

Такое позитивистское толкование реальности надо было разоблачить как заигрывание с материализмом, имеющее целью прикрыть идеализм. Эту важную задачу и выполнил Ленин.

Можно ли в науке оперировать понятием реальности, противопоставляемым материи, как это делают позитивисты? Нет, оперировать таким понятием нельзя. Ленин пишет (в параграфе под названием «Существует ли объективная истина?»), что если эта реальность объективна, то для её определения есть единственное философское понятие — материя. Вот соответствующее место из Ленина: «Мах „открыл элементы мира“: красное, зелёное, твёрдое, мягкое, громкое, длинное и т. п., говорят нам. Мы спрашиваем: дана ли человеку, когда он видит красное, ощущает твёрдое и т. п., объективная реальность или нет? Этот старый, престарый философский вопрос запутан Махом. Если не дана, то вы неизбежно скатываетесь вместе с Махом в субъективизм и агностицизм, в заслуженные вами объятия имманентов, т. е. философских Меньшиковых. Если дана, то нужно философское понятие для этой объективной реальности, и это понятие давно, очень давно выработано, это понятие и есть материя. Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» (116—117).

Обратим внимание на то, как ставит вопрос Ленин: не напускайте туману с «элементами мира»; могут быть только два положения: либо вы толкуете реальность субъективно, — и тогда вы скатываетесь на идеалистические позиции Маха, либо вы толкуете реальность объективно, и тогда это — самый доподлинный материализм, третьего не дано.

Определяя материю как философскую категорию, Ленин заботится не о том, чтобы провозгласить законность существования целой совокупности понятий материи: философского, будто бы пригодного только для философии, физического — для физики и т. д., а о том, чтобы отстоять единственно-возможное определение материи как философской категории, а именно, определение её, утверждающее первичность материи и вторичность сознания. Ленин занимается не дефинициями, а ведёт идеологическую борьбу с конкретным врагом материализма, разоблачает уловки врага, его попытки протащить идеализм с заднего крыльца, запутывая вопрос о реальности.

Нет и не может быть особой, «научной» или «физической реальности», стоящей над материей. Либо вы не признаёте реальность объективной, и тогда вы идеалист, либо вы признаёте её объективной, независимой от человека и т. д., и тогда надо называть чёрта чёртом, а реальность — материей.

4. В параграфе «Что такое материя? Что такое опыт?» Ленин углубляет ту же идею. Он разоблачает фокусничанье идеалистов Авенариуса, Маха, Пирсона с «реальностью», которая... не является материей. Авенариус не отрицает, что материя есть «физическое»*), но требует признания, что это «физическое» является противочленом к центральному члену — Я. Иначе говоря, заигрывая со словами «материя», «физическое», Авенариус решает высший вопрос философии в пользу «центрального члена — Я», т. е. сознания над материей.

Мах тоже вводит словечко «элемент» как нечто, с чем имеет дело сознание. Однако цель Маха та же — протащить идеализм под флагом «элементов мира». Ленин пишет: «Маху кажется, что, выставяя такое утверждение, он производит „радикальный переворот“ в обычном мировоззрении. На деле это старый-престарый субъективный идеализм, нагота которого прикрыта словечком „элемент“» (132).

Матёрый английский идеалист Пирсон идёт ещё «дальше»; он «не возражает» против употребления слова «материя». Но что она такое в устах Пирсона? «С научной точки зрения не может быть возражения против того, чтобы классифицировать известные более или менее постоянные группы чувственных восприятий, объединяя их вместе и называя материей — мы подходим таким образом очень близко к определению Дж.-Ст. Милля: материя есть постоянная возможность ощущений, — но подобное определение материи совсем не похоже на то, что материя есть вещь, которая движется»**). По поводу сказанного Ленин замечает, что здесь нет даже фигового листочка «элементов», и идеалист прямо протягивает руку агностику.

В противовес всем этим идеалистическим фокусам Ленин снова указывает на сущность материи как философской категории в следующей формулировке: «Материя есть то, что, действуя на наши органы чувств, производит ощущение; материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении, и т. п.» (133).

Мы вновь видим, что Ленин говорит о материи как философской категории в плане решения «высшего вопроса всей философии, вопроса об отношении мышления к бытию, духа к природе».

*) Ленин делает замечание в скобках к этому слову «физическое»: «т. е. наиболее знакомое и непосредственно данное человеку, в существовании чего никто не сомневается, кроме обитателей жёлтых домиков» (132).

**) Цитируется по Ленину, там же.

5. Является ли ленинское определение материи продвижением марксизма вперёд или же это простое повторение формулы Энгельса? Несомненно, ленинская формула есть продвижение марксизма вперёд; она включает в себя и энгельсовскую постановку вопроса о соотношении материи и сознания (следовательно, направлена против любого идеализма вообще) и нечто новое, ибо выражена в новой форме, которая прямо направлена против позитивистских увёрток, против третьей силы в философии, выступившей в период кризиса и шатаний среди физиков.

И ныне в зарубежном естествознании позитивисты применяют подобные заигрывания с «реальностью», которая неизменно трактуется субъективно. В книге «Эволюция физики» А. Эйнштейн всё время говорит о физической реальности, а в конце концов оказывается, что эти реальности создаёт сама наука, наука, которая, по Эйнштейну, является не отображением объективного мира, а «созданием человеческого разума, с его свободно избранными идеями и понятиями»^{*)}). Иордан не отрицает атомов, как это делал ещё его духовный отец Мах. Но что такое атом, по Иордану? «Атом есть только каркас для классификации экспериментальных фактов»^{**)}). Современная физика имеет дело со многими объектами, которые непосредственно не воспринимаются. Своеобразие микромира пытаются использовать нынешние позитивисты, напуская туману в понятие «реальность». Известный физик-махист Ф. Франк пишет: «„Электрон“ есть совокупность физических величин, вводимая нами для установления системы принципов, из которых мы можем логически вывести показания стрелки физического прибора. Если мы называем эти приборы „физическими объектами“, то „электроны“ или „фотоны“ могут быть названы так только в силу известного изменения в значении термина „физический объект“. Но мы никогда не должны забывать, что нет никакого смысла в вопросе о том, какова „реальность“ физического объекта»^{***)}). По Франку, как мы видим, реальность физического прибора и реальность электрона или фотона, если можно так сказать, неоднородна, а в целом вопрос о реальности физического объекта бессмыслен.

Мы видим прямую связь этих идей нынешних позитивистов в физике с высказываниями идеалистов, против которых боролся Ленин, а именно — Маха, Пирсона и других, идей, даже по форме совпадающих друг с другом (сравните как Пирсон «допускал»

^{*)} А. Эйнштейн и Л. Инфельд, Эволюция физики, Гостехиздат, стр. 261.

^{**) P. Jordan, Physics of the 20-th century, Philosophical library, New-York, 1944.}

^{***)} International Encyclopadia of Unified Science, vol. 1, № 7, Ph. Frank, Foundations of Physics, University of Chicago Press, 1946, стр. 54.

материю для классификации постоянных групп чувственных восприятий, а Иордан «допускает» атом для классификации экспериментальных фактов).

Таким образом, новая ленинская формула помогает разоблачать идеализм в его замаскированной форме, помогает в наши дни так же, как помогала и сорок лет назад. Ленинское определение материи как философской категории одновременно включает в себя ответ на вопрос о том, что является первичным (материя—объективная реальность) и что—вторичным (сознание), а также решает вопрос об отражении первого во втором—о познаваемости материи.

Ясно, что ленинское определение материи является дальнейшим развитием марксизма.

6. Ленин возвращается к определению материи ещё и по другому поводу: в связи с анализом кризиса физики. И в этом случае Ленин имеет в виду особенность позитивизма—его релятивизм, его попытку опереться на современное естествознание в целях ликвидации материализма.

Как известно, суть «кризиса современной физики» Ленин усматривал в том, что «Новое течение в физике видит в теории только символы, знаки, отметки для практики, т. е. отрицает существование объективной реальности, независимой от нашего сознания и отражаемой им» (243).

Старая физика считала теории отражением объективной реальности; но она рассматривала эту объективную реальность как неизменную, а отражение её считала не процессом движения к абсолютной истине через истины относительные, а единичным актом, в котором истина отражается сразу, абсолютно, до конца. Поэтому все теории старой физики выступают как нечто абсолютное, застывшее.

Новые открытия в физике подорвали эту метафизику познания. Сохранять её—означало тормозить движение науки вперёд, создавать тупик.

«Новое течение в физике» готово было преодолеть эту метафизику, готово было признать все понятия и закономерности не абсолютно неизменными, а относительными. Однако под влиянием позитивизма оно скатилось к отрицанию объективной основы теорий; физики, склонные к позитивизму, рассуждали по методу: относительно—значит субъективно, условно. Таким образом, вместе с водой они выплёскивали из ванны и ребёнка.

Позитивисты сделали относительность наших знаний исходным пунктом своей идеалистической философии.

Разумеется, наше познание осуществляется через относительные истины. Но факт исторической относительности знаний не даёт оснований для отрицания материального мира. Через относительные истины выражается истина абсолютная. Надо было

провести коренное различие между релятивистским агностицизмом и идеализмом, с одной стороны, и диалектическим материализмом, с другой.

Но что же коренным образом отличает диалектический материализм от релятивистского агностицизма, как не различный ответ на вопрос о признании объективности материи? Ленин и раскрывает это отличие в следующих словах: «„Сущность“ вещей или „субстанция“ тоже относительны; они выражают только углубление человеческого познания объектов, и если вчера это углубление не шло дальше атома, сегодня — дальше электрона и эфира, то диалектический материализм настаивает на временном, относительном, приблизительном характере всех этих вех познания природы прогрессирующей наукой человека. Электрон так же неисчерпаем, как и атом, природа бесконечна, но она бесконечно существует, и вот это-то единственно категорическое, единственно безусловное признание её существования вне сознания и ощущения человека и отличает диалектический материализм от релятивистского агностицизма и идеализма» (249).

Таким образом, Ленин направляет своё определение материи против попыток позитивизма протащить в науку идеализм, прикрываясь флагом относительности наших знаний.

7. Позитивизм исходит из положения, будто физическая наука в состоянии решить гносеологический вопрос о существовании материального мира, будто современная физика уже решила этот вопрос, притом отрицательно.

Теоретическая безграмотность этого положения для марксиста очевидна. Как бы ни развивалась физика (или какая-либо другая естественная наука), к каким бы диковинным выводам в отношении прежних физических представлений она ни приходила, физика не может обосновать «исчезновение материи». Существование материи не может быть ни обосновано, ни опровергнуто физикой. Марксистско-ленинская теория познания впервые научно показала, что существование материального мира обосновывается не логикой, не отдельной наукой самой по себе, а всей деятельностью человечества, в процессе которой оно сознательно изменяет объективную природу, чем и доказывает истинность своих представлений о внешнем мире *).

*) В вопросе о том, как обосновывается марксизмом существование материального мира, не разобрался даже Плеханов, «который написал действительно несуслазную фразу, будто „вера“ в существование внешнего мира „есть неизбежное „salto vitale“ (жизненный прыжок) „философии“ (Прим. к Л. Фейербаху“, стр. III)». Ленин заключает по этому поводу: «Выражение „вера“, хотя и взятое в кавычки, повторенное за Юмом, обнаруживает путаницу терминов у Плеханова, — слов нет» (128).

Ленин со всей силой обрушивается на идеалистические выводы позитивизма из новейшей революции в физике: «В чём состоит действительная связь философского идеализма с „исчезновением материи“, этого г. Валентинов абсолютно не понял. А то „исчезновение материи“, о котором он говорит вслед за современными физиками, не имеет отношения к гносеологическому различению материализма и идеализма... Материализм и идеализм различаются тем или иным решением вопроса об источнике нашего познания, об отношении познания (и „психического“ вообще) к физическому миру, а вопрос о строении материи, об атомах и электронах есть вопрос, касающийся только этого „физического мира“» (246).

Именно эти слова Ленина чаще всего и приводят в обоснование идеи, будто Ленин разграничил философское понятие материи от физического, будто он считает, что философии не касается вопрос о том, какие представления о строении материи развиваются физиками (и другими естествоиспытателями).

Но если вникнуть в суть борьбы, которую вёл Ленин против позитивизма, то легко увидеть, что его заботит не задача высвобождения из-под эгиды философии представлений физиков о материи *), а разгром необоснованных претензий позитивизма, будто бы физика в состоянии решить вопрос об отношении мышления к бытию, сознания к материи, будто бы она уже решила этот вопрос о существовании материального мира в отрицательном смысле. «„Материя исчезает“, — говорит Ленин, — это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идёт глубже; исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. п.) и которые теперь обнаруживаются, как относительные, присущие только некоторым состояниям материи» (247).

И здесь Ленин вновь повторяет основную гносеологическую посылку материализма: «Ибо единственное „свойство“ материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания» (247).

Конечно, ленинское положение о том, что материю неправильно мыслить как нечто застывшее и неизменное, бьёт по взглядам метафизиков на материю. Наличие подобных метафизических взглядов на материю, разумеется, помогает идеалистам запутать вопрос о материи, ибо легче вести борьбу с признанием материи, из которой нельзя объяснить никаких новых свойств, необычных с точки зрения старых, метафизических представлений. Но выдвигая

*) К вопросу о связи философии с естественными науками мы вернёмся во второй части этой статьи.

довод о том, что наши конкретные знания структуры отдельных форм материи исторически обусловлены, что в ходе познания они продолжают изменяться, углубляться, Ленин выдвигает и решает вопрос не о физическом понятии материи, а о движении нашего познания к абсолютной истине через истины относительные.

Некоторые физики полагают, что поскольку каждая наука имеет свой предмет, она вырабатывает и своё понятие материи: физика — физическое понятие материи, биология — биологическое и т. д. Поэтому, утверждают те же учёные, незаметно для самих себя поворачивая всю постановку вопроса, — поэтому физическое понятие материи есть предмет физики, биологическое — биологии и т. д., философское же понятие есть предмет философии, к которому физика не имеет будто бы прямого отношения.

Это заблуждение. Несомненно, что каждая наука имеет свой предмет, в том числе и физика. Но разве предметом физики является «физическое понятие материи»? Физика изучает не «физическое понятие материи», а физические формы движения, которые выражают специфику движения некоторых видов материи — ядер, атомов и т. п., в силу чего с тем же основанием можно сказать, что физика изучает специфические, физические формы материи — ядра, атомы и т. п.

Но тем самым физика ещё не вырабатывает своего «физического понятия материи», как особого понятия, стоящего рядом с философским понятием материи. Она имеет дело с конкретными формами материи, и если физики употребляют понятие материи правильно, то тогда это понятие имеет смысл философской категории*).

Мысль о том, что конкретная наука — физика, изучая вопрос о строении материи, отнюдь не решает тем самым основной гносеологический вопрос об отношении мышления к бытию, Ленин выражает уже при первой формулировке определения материи: «Но совершенно непозволительно смешивать, как это делают махисты, учение о том или ином строении материи с гносеологической категорией, — смешивать вопрос о новых свойствах новых видов материи (например, электронов) с старым вопросом теории познания, вопросом об источниках нашего знания, о существовании объективной истины и т. п.» (116).

Итак, Ленин решает принципиальный, гносеологический вопрос о том, может ли развитие физики поколебать

*) Конечно, нельзя закрывать глаза на то, что естествоиспытатели часто применяют понятие материи неправильно, например, как синоним вещества, или противопоставляют материи «лучистую энергию» и т. п. Это словоупотребление сохранилось ещё с тех времён, когда большинство естествоиспытателей стояло на позициях механистического материализма. Но борьбу с неправильным пониманием материи некоторыми естествоиспытателями нельзя смешивать с вопросом о том, как должен трактовать понятие материи марксист.

материалистическое решение основного вопроса философии о соотношении материи и сознания, решает в отрицательном смысле. Это крайне важная идея Ленина. Конкретизируя и развивая общие положения марксизма о критерии познания материального мира, это положение вооружает материалистов в борьбе против всяческих претензий идеалистических школок утверждать, будто они приходят к идеалистическим выводам на основе анализа достижений современного естествознания.

Это отнюдь не означает, что тем самым Ленин создал два понятия материи — философское и физическое — чем будто бы провёл пограничную линию компетенции философии. Ясно, что ленинская постановка вопроса не только не снимает, а напротив, ставит задачу борьбы за правильное отображение материального мира физикой или другой наукой, за материалистическую теорию познания в них.

8. Мы рассмотрели все места, в которых Ленин даёт определение материи как философской категории. Глубочайший смысл этого определения вскрывается при анализе того, какие уловки врагов материализма разоблачал Ленин своим определением.

Ленин направил определение материи против попытки позитивистов занять особую позицию в борьбе материализма и идеализма (якобы «над» материализмом и «над» идеализмом); против заигрывания позитивистов с понятием реальности, которая допускается ими в науке, но трактуется субъективистски; против философского релятивизма, отрицающего объективную основу научных теорий; против положения, будто бы физика в состоянии решить и уже решила в отрицательном смысле гносеологический вопрос о существовании материального мира. Во всех случаях Ленин противопоставляет определение материи субъективистской позиции агностиков и идеалистов, во всех случаях определение материи дано Лениным в одном и том же плане — в плане решения основного гносеологического вопроса об отношении мышления и бытия, и мы видели, что Ленин сам подчёркивает именно этот план определения материи, ибо другого определения дать невозможно.

Правомерно ли из этого определения делать вывод, будто Ленин считал, что существуют два понятия материи — философское и физическое? Нам кажется, что такой вывод неправомерен. Двух понятий материи у Ленина нет. У него есть лишь одно, единственно возможное, определение материи как философской категории.

В том же плане, что и Ленин, но ещё более развёрнуто, определяет материю как философскую категорию и тов. Сталин: «Марксистский философский материализм исходит из того, что материя, природа, бытие представляет объективную реальность,

существующую вне и независимо от сознания, что материя первична, так как она является источником ощущений, представлений, сознания, а сознание вторично, производно, так как оно является отображением материи, отображением бытия, что мышление есть продукт материи, достигшей в своём развитии высокой степени совершенства, а именно — продукт мозга, а мозг — орган мышления, что нельзя поэтому отделять мышление от материи, не желая впасть в грубую ошибку» *).

Характеризуя основные черты диалектического материализма, тов. Сталин, как и Ленин, даёт одно определение материи как философской категории. Нескольких, принципиально отличных друг от друга определений материи нет и не может быть.

2. КОНЦЕПЦИЯ О ДВУХ ПОНЯТИЯХ МАТЕРИИ И В ЧЁМ ЕЁ ВРЕД

9. Хотя у Ленина и нет положений о двух понятиях материи, однако многие советские философы и физики утверждают, что Ленин создал учение о двух понятиях материи.

Мы не собираемся исследовать, сколь широкое распространение получила эта точка зрения. В качестве примера мы рассмотрим некоторые положения статьи проф. В. М. Познера «Ленин о философском и физическом понятии материи», как наиболее выпукло выражающей эту линию **).

Об установке В. М. Познера говорит уже заглавие его статьи. Согласно В. М. Познеру, различие двух понятий материи явилось высшим достижением марксистской мысли: «Установленное Лениным различие между философским и физическим понятием материи явилось замечательным итогом всего предшествующего длительного развития философского материализма».

Деятельность прежних материалистических школ В. М. Познер оценивает в свете вопроса — различали они два понятия материи или нет.

Так, недостаток философии французских материалистов автор видит в том, что они отождествляли эти два понятия: «Материалисты, — пишет В. М. Познер, — очень близко подошли к правильному философскому понятию материи, когда писали: „...по отношению к нам материя есть всё то, что воздействует каким-нибудь образом на наши чувства“ (Гольбах). Но старые материалисты не сумели провести грань между философским и физическим понятием материи. В силу механичности и метафизичности своего метода они сводили материю к физическому веществу, отождествляли философское и физическое понятие материи» (подч. мной С. С.).

*) И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, 11-е изд., стр. 542.

**) «Наука и жизнь» № 1, 1949. Мы не ставим перед собой задачу полного разбора этой статьи.

Так французские материалисты получили от В. М. Познера упрёк за то, что полтора столетия назад не предвидели его концепцию.

Оказывается, далее, что «выражение (?! С. С.) буржуазных физиков, „материя исчезла“ — результат незаконного смешения философского и физического понятия материи». Незаконно смешали два понятия и... впали в идеализм. Только и всего*). Разве не ясно, что здесь смазана классовая и гносеологическая основа, на которой вырос физический идеализм, анализу которой Ленин посвятил целую книгу?

Разграничение двух понятий материи для В. М. Познера — не только критерий в оценке прошлых заблуждений, но и рецепт для избежания будущих: «Следует проводить чёткое различие между философским и физическим пониманием материи, так как отождествление этих понятий приводило бы к колебаниям и сомнениям в истинности материализма с открытием новых, неизвестных свойств материи». Разве не ясно, что «истинность материализма» доказывается не различением между двумя понятиями, что эта мысль противоречит всему духу марксизма? Ещё Энгельс говорил, что материальность мира «...доказывается не парой фокуснических фраз, а длинным и трудным развитием философии и естествознания» (см. у Ленина, стр. 104).

Наконец, оказывается, что «разграничение философского и физического понятия материи дало ключ (! С. С.) к преодолению этого кризиса (в физике. С. С.). Оно и в наше время является единственно верным путём для преодоления кризиса современного естествознания». К сожалению, автор не проанализировал ни одного современного идеалистического направления в физике и не показал наглядно, как надо действовать этим ключом, чем и обесценил своё утверждение.

К этому вопросу, как весьма важному, мы ещё вернёмся в дальнейшем.

Такова вкратце эта концепция «двух понятий» материи, изложенная словами проф. В. М. Познера. Мы видим, какое огромное значение ей придаётся. Она почитается как важное достижение марксистской мысли, как «замечательный итог всего предшествующего длительного развития философского материализма», она рассматривается как мощное оружие борьбы против современного идеализма.

*) Те же идеи высказывает и А. Максимов: он пишет, будто Ленин «доказал, что скептические и агностические выводы у махистов являются следствием того, что они смешивают философское понятие материи, обозначающее объективную реальность, с физическим пониманием материи, с теми или иными физическими учениями о строении материи» (А. Максимов, Марксистский философский материализм и современная физика, «Вопросы философии» 3, 1948, стр. 109, (подч. мной С. С.).

На самом деле это совсем не так. Мы постараемся далее показать, что концепция «двух понятий» материи не помогает борьбе за марксизм в естествознании, а ослабляет её.

10. Укажем прежде всего на то, что в концепции «двух понятий» материи запутывается вопрос о том, какими путями взаимосвязаны марксистская философия и конкретные науки.

Этот вопрос невозможно обойти. Если каждая наука вырабатывает себе своё понятие материи — философия своё, физика своё и т. п. — то в этой концепции исчезает прежде всего руководящее значение марксистской философии как инструмента научного познания.

Чтобы избежать этого опасного пути, В. М. Познер делает оговорки в том смысле, что хотя Ленин будто бы разграничил два понятия материи, но диалектика требует не разрывать их окончательно, а так разграничивать, чтобы вместе с тем и связывать. Как же осуществляется, по его мнению, эта связь? Он пишет: «Оба они (т. е. философское понятие материи и «физическое понятие материи». С. С.) направлены на один объект — материю, как объективную реальность, независимую от сознания. Но в то время как первое понятие охватывает самые общие свойства этой объективной реальности — материи, второе охватывает её конкретные свойства. Одно понятие направлено на общее, другое — на отдельное, частное, конкретное». Далее, автор ссылается на диалектику общего и отдельного. Но эта ссылка не помогает, ибо в диалектике общего и отдельного общее не существует иначе как через отдельное, а в «диалектике» связи «двух понятий» В. М. Познера получаются два независимых ряда, причём «одно понятие направлено на общее, другое — на отдельное».

Некоторые говорят даже о некоем «едином», «всеобщем» понятии материи. Но что же объединяется в этом «едином» понятии? Марксистское определение материи как философской категории с «физическим понятием материи»? Что получается в результате этого «объединения»? Некоторое новое понятие, которое, повидимому, должно быть (по замыслу авторов «объединения») более общим, так сказать, высшим понятием материи? Но что же может быть более общим определением материи, как не указание на её первичность по отношению к сознанию? В научном обосновании именно этого определения материи и заключается высшее достижение марксистской философии. Всякая иная постановка вопроса о каком-то едином, синтетическом понятии материи принижает роль марксистской философии и выработанные ею гносеологические положения (о первичности материи!) до чего-то, по своей природе неопределённого.

Все эти нелепости получаются в результате того, что наряду с философским понятием материи неправомерно создаётся «физи-

ческое понятие материи», однопорядковое с первым, а затем ищется, какова может быть связь между созданными таким путём понятиями.

Но оговорки о связи двух понятий делают не все сторонники этой концепции. В своё время А. Деборин писал: «Каковы бы ни были успехи физических наук, они не затрагивают философского учения о материи»^{*)}. Тем самым глубокий по своему содержанию неотразимый довод Ленина против «физических» идеалистов — к каким бы новым открытиям ни приходила физика, она не может поколебать материализм — подменён в этой формулировке другим: успехи физических наук не затрагивают философского учения о материи. Этот вывод противоречит известной формуле Энгельса о развитии формы материализма с каждым составляющим эпоху открытием даже в области естествознания. Философский материализм оказался в нём полностью оторванным от конкретной науки — физики.

Эти злоключения — результат непонимания того, что одно дело определение материи как философской категории, в котором даётся решение основного вопроса философии — о первичности материи, и другое дело — учение марксизма о материи, о формах её существования.

11. Учение марксизма о формах существования материи неразрывно связано и с основами материализма и с развитием конкретных наук. Сначала мы рассмотрим первый вопрос.

Марксизм всегда придавал исключительное значение борьбе за признание объективных форм существования материи. Материя, мыслимая вне объективных форм существования, это тощее абстрактное понятие, которому вне человека ничто не соответствует. «Материя» вне объективных форм существования может быть пригодна только в качестве того самого каркаса для классификации групп чувственных восприятий, который «согласен допустить» Пирсон. Неслучаен тот факт, что физики-идеалисты с большим рвением воюют против признания объективных форм существования материи, например, утверждают, будто современная квантовая механика опровергла пространственно-временные формы существования микромира, причинную связь и т. п.

Признание объективных форм существования материи марксизм всегда рассматривал как коренное требование материализма.

Так, говоря о пространстве и времени как формах существования материи, Ленин пишет: «Признавая существование объективной реальности, т. е. движущейся материи, независимо

^{*)} А. Деборин, Ленин — воинствующий материалист, Под знаменем марксизма, №№ 1, 2 (1924).

от нашего сознания, материализм неизбежно должен (подчёркнуто мною. С. С.) признавать также объективную реальность времени и пространства... как вещи и тела — не простые явления, не комплексы ощущений, а объективные реальности, действующие на наши чувства, так и пространство и время — не простые формы явлений, а объективно-реальные формы бытия. В мире нет ничего, кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени» (162).

Вывод марксизма о пространстве и времени как формах бытия материи является не априорной догмой, а обобщением всего длительного процесса познания материального мира различными конкретными науками. Ньютоновская физика, как известно, не рассматривала пространство и время как форму существования самой материи; в представлении ньютоновцев пространство и время были отделены от движущейся материи, представляли собой нечто абсолютное, пустую рамку для материальных процессов, неизвестно откуда взявшуюся. Кантианцы и позитивисты субъективировали пространство и время, объявив их формами человеческого созерцания. Развитие физики давало всё новые и новые доказательства противоречивости взглядов ньютоновцев, кантианцев, позитивистов с результатами подлинной науки. Но лишь марксизм показал, что движение материи нельзя рассматривать вне пространственно-временных форм её бытия, что таков итог развития всего естествознания.

Совершенно так же оценивает Ленин причинность и необходимость в природе: «Вопрос о причинности имеет особенно важное значение для определения философской линии того или другого новейшего „изма“, и мы должны поэтому остановиться на этом вопросе несколько подробнее» (140). И далее, после изложения материалистической позиции в этом вопросе Л. Фейербаха: «Признание объективной закономерности природы находится у Фейербаха в неразрывной связи с признанием объективной реальности внешнего мира, предметов, тел, вещей, отражаемых нашим сознанием. Взгляды Фейербаха — последовательно материалистические... Признание объективной закономерности природы и приблизительно верного отражения этой закономерности в голове человека есть материализм» (подчёркнуто мною. С. С.) (142).

Закономерность, необходимость в природе не существует сама по себе, она есть выражение свойств материи, форма её существования. «Мировоззрение материализма, излагаемое И. Диггеном, признаёт, — говорит Ленин, — что „причинная зависимость“ содержится „в самих вещах“» (145).

Столь же беспощадно борется Ленин против попыток махистов отделить движение от материи, рассматривать движение не

как форму существования материи, чтобы затем разделиться и с самой материей. Материя, по Ленину, немыслима без движения, так же как и движение немыслимо без материи. Непосредственно после определения материи как объективной реальности, существующей независимо от человеческого сознания и отображаемой им, Ленин пишет: «Но диалектический материализм настаивает на приблизительном, относительном характере всякого научного положения о строении материи и свойствах её, на отсутствии абсолютных граней в природе, на превращении движущейся материи из одного состояния в другое, повидимому, с нашей точки зрения, непримиримое с ним и т. д.» (248). Эти «требования», разумеется, — не догматические требования: они являются результатом глубочайших обобщений всех естественных и общественных наук. Ленин говорит далее, что как ни диковинны с точки зрения «здорового смысла» превращения одного вида материи в другой, как ни странно отсутствие у электрона иной массы, кроме электромагнитной, «как ни необычно ограничение механических законов движения одной только областью явлений природы и подчинение их более глубоким законам электромагнитных явлений и т. д., — всё это только лишнее подтверждение диалектического материализма» (248).

Что же является «лишним подтверждением» диалектического материализма? Может быть, безразличие его к вопросу о строении материи? Нет, нам думается, что Ленин говорит это, имея в виду положительное содержание диалектического материализма, т. е. совокупность его взглядов на материю, согласно которым виды материи превращаются один в другой, определённые законы движения которой выступают как главные в одной области и оказываются подчинёнными другой главной форме движения при переходе к другой области явлений.

Известно, что Ленин ставил задачу в каждом конкретном случае вскрывать источник движения материи, противоречивые тенденции её развития, и решительно воевал с той концепцией развития материи, которая видела только количественный рост, только увеличение или уменьшение, и исключала возникновение качественно новых форм материи и её движения.

Эти положения о формах существования материи развивал далее товарищ Сталин в ряде своих трудов и особенно в труде «О диалектическом и историческом материализме».

12. Какова же связь учения о формах существования материи с развитием конкретных наук и прежде всего физики?

Известно, что одна из важнейших задач материалистического естествознания и философии состоит в том, чтобы все явления, изучаемые конкретными науками, объяснить из самой

материи, из неотъемлемо присущих ей свойств. Только такой материалистический подход даёт в руки познающего человека оружие активного воздействия на природу, изменения её.

История науки знает примитивные представления о материи, как недействительной, неразвивающейся, виды которой представлялись не связанными друг с другом. Но именно это и приводило к тому, что в ньютоновской физике наряду с материей допускались силы, независимые от неё и противопоставляемые ей, в астрономии оставалось место для божественного толчка, заволившего пружину вселенной, в биологии — витальные силы и т. д. и т. п. Такая апелляция к надматериальным силам обрекала человека на беспомощность и противоречила самой сущности научного познания.

Задача объяснения всех явлений природы из неё самой никогда не снималась и не могла быть снята наукой, несмотря на все социальные противоречия, ибо перед наукой, часто не в прямой, а в завуалированной и неосознанной форме, но всегда стояла другая, основная задача — объяснить явления природы в практических целях. Последняя не могла быть решена без решения первой.

Именно необходимость объяснения всех явлений природы из неё самой в практических целях воздействия на неё вынуждала отказываться от прежних, бедных представлений о материи, заставляла обогащать общие представления о материи, о её свойствах, о её взаимосвязях и взаимопревращениях, словом, создавать учение о формах существования материи в связи с развитием конкретных наук. Как известно, Маркс и Энгельс впервые критически обобщили развитие общественных и естественных наук своего времени и привели общее философское учение о материи в соответствие с положительными достижениями наук, создав тем самым диалектический материализм.

Маркс и Энгельс впервые указали на связь формы материализма с конкретными науками, в частности с естествознанием. Энгельс писал: «С каждым, составляющим эпоху, открытием даже в естественно-исторической области (а Ленин, цитируя это положение Энгельса и, следовательно, соглашаясь с ним, добавляет в скобках, опираясь на последующую мысль Энгельса: „не говоря уже об истории человечества“. С. С.) материализм неизбежно должен изменять свою форму. А с тех пор, как и истории было дано материалистическое объяснение, здесь также открывается новый путь для развития материализма» *).

«Составляющее эпоху открытие» — это открытие нового типа взаимосвязей материи, имеющего общее значение. Подобное от-

*) К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, стр. 353—354, Людвиг Фейербах; цитируется у Ленина, см. Сочинения, т. 14, стр. 238.

крытие, если говорить о естествознании, всегда является основой развития новой мощной техники или исходным пунктом нового шага в деле изменения природы человеком.

Взаимосвязи нового типа могут быть материалистически объяснены только при обогащении учения об общих формах существования материи, которое поэтому не может оставаться неизменным. Будучи отражёнными в голове, новые материальные связи являются исходным пунктом и для установления новых логических связей, расширяют теорию познания. В расширении наших представлений о форме существования материи, в открытии новых материальных (а через них и логических) связей и состоит процесс изменения формы материализма в связи с развитием естествознания, о чём говорил Энгельс, если иметь в виду развитие диалектического материализма. Естественно, что этот процесс непрерывен: он происходил в прошлом, совершается на глазах нашего поколения и будет осуществляться в будущем*).

Такова связь учения марксизма о формах существования материи с развитием конкретных наук, подтверждающая положение Энгельса о развитии формы материализма с каждым составляющим эпоху открытием даже в естественно-научной области.

13. Но вопрос о взаимосвязи философии и конкретной науки, например физики, имеет и другую, крайне важную, сторону — вопрос о роли философии в развитии конкретных наук.

Конкретные закономерности, выражающие физическую форму движения, не навязываются физике извне, скажем, из области мышления. Разумеется такое навязывание было бы схоластикой, натур-философией, против которой боролся и борется марксизм. Но физика участвует в выработке учения о формах существования материи не одна, а наряду с другими науками, изучающими другие формы движения материи. Марксизм создаёт учение об общих

*) Некоторые считают, что положение Энгельса о развитии формы материализма имеет в виду только переход от метафизического материализма к диалектическому. Это, разумеется, не верно. Положение Энгельса относится также и к диалектическому материализму. Неслучайно тов. А. Жданов напомнил советским философам о необходимости при анализе и обобщении результатов современного естествознания руководствоваться этим положением Энгельса. Как известно, это было сделано им в 1947 году в стране, где диалектический материализм является безраздельно господствующей идеологией. Бесспорно, что развитие диалектического материализма не представляет собой смены его каким-то новым материализмом — не метафизическим и не диалектическим, а каким-то третьим. Речь идёт о развитии диалектического же материализма, а характер развития состоит в том, что он проходит различные этапы. Познание не представляет собой череду сменяющихся однопорядковых воззрений, оно есть переход к высшей ступени, приближение к абсолютной истине. Борьба Ленина и Сталина за творческое понимание марксизма как живого, развивающегося учения должна служить для нас руководящим началом.

свойствах материи, обобщая развитие не одной только физики, но и других наук. Развитие же наук не идёт равномерно. Некоторые из них, отставая в одних проблемах, в других — могут далеко обогнать остальные науки. В этом, в частности, можно убедиться, проследивая процесс того, как возникла и обобщалась идея развития материи. До марксизма идея развития ещё не была всеобщей. Но уже в геологии, в биологии, в астрономии и в ряде других наук накопился достаточный материал, указывающий на эволюцию материи, не говоря уже о замечательном кардинальном перевороте во взглядах на развитие общества, произведённом трудами Маркса и Энгельса. Хотя таким образом наблюдения были не всеобъемлющими (а они никогда не могут быть исчерпывающими в силу неисчерпаемости познания бесконечной материи), марксизм сделал из этого обобщение, что развитие есть всеобщее неотъемлемое свойство материи. Были ли основания для этого обобщения? Безусловно. Материя не может развиваться в какой-либо одной части и оставаться неизменной или вращаться по кругу в другой*), подобно тому как она не может, сохраняясь в одной части, возникать или исчезать в другой. В самом деле, развитие каких-либо одних форм материи неизбежно создаёт новые внешние условия существования других форм материи, с которыми развивающиеся формы взаимодействуют, и это неизбежно вызывает развитие вторых.

Материя развивается (как и сохраняется) во всех своих частях, то-есть развивается в целом, ввиду всеобщей взаимосвязанности. Уже Энгельс дал немало примеров этой взаимосвязанности эволюции (исторического становления) в астрономии, геологии, биологии**).

Поэтому марксизм на основе практики познания отдельных форм материи и пришёл к выводу о том, что движение, развитие есть общий закон, есть форма существования материи, и сделал этот вывод ещё до революционных открытий в физике. Именно потому, что марксизм ещё раньше пришёл к выводу о развитии как форме существования материи, он встретил крушение взглядов о неизменности атомов как подтверждение своего мировоззрения. По тем же причинам Ленин имел основание, исходя из общих положений диалектического материализма, предсказать неисчерпаемость электрона, то-есть имел основание пойти против господствовавших тогда в самой физике взглядов.

*) Круговорот может быть лишь частным случаем развития, как покой является частным случаем движения.

**) См. так называемое «Старое введение», Ф. Энгельс, Диалектика природы.

Именно потому, что марксизм обобщает результаты всех конкретных наук, он имеет руководящее значение для отдельных конкретных наук, «представляет собой инструмент научного исследования, метод, пронизывающий все науки о природе и обществе и обогащающийся данными этих наук в ходе их развития» (А. Жданов).

Чем дальше будет продвигаться вперёд и вглубь познание природы и общества, чем более сложные вопросы познания будут выдвигать конкретные науки, чем острее будет борьба идеологий в них, — тем сильнее будет возрастать роль марксизма как руководящего метода для конкретных наук. Обобщая опыт революционного преобразования общества и природы, выясняя роль марксизма в этом преобразовании, товарищ Сталин дал в своих новейших теоретических трудах по языкознанию самое полное и изумительно глубокое научное определение марксизма: «Марксизм есть наука о законах развития природы и общества, наука о революции угнетенных и эксплуатируемых масс, наука о победе социализма во всех странах, наука о строительстве коммунистического общества. Марксизм, как наука, не может стоять на одном месте, — он развивается и совершенствуется».

Мы видим, что в этом обобщающем определении марксизма товарищ Сталин выделяет и ту его сторону, что марксизм есть наука о законах развития природы, а также и то, что как наука, он развивается и совершенствуется.

Естествоиспытатели должны руководствоваться этим положением И. В. Сталина о марксизме и его значении для наук изучающих природу.

14. Немарксистскую позицию занимают те, кто считает, будто кризис физики — результат незаконного смешения философского и «физического» понятий материи. Ленин нигде не давал и не мог дать подобного анализа причин кризиса физики. Ленин называет, как известно, две геологические причины кризиса физики. Первая состоит в том, что «приближение к таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку (а Ленин рассматривал этот процесс, как «крупный успех естествознания» С. С.), порождает забвение материи математиками. „Материя исчезает“, остаются одни уравнения. На новой стадии развития и, якобы, по-новому получается старая кантиантская идея: разум предписывает законы природе» (294). «Другая причина, породившая „физический“ идеализм, это — принцип релятивизма, относительности нашего знания, принцип, который с особенной силой навязывается физикам в период крутой ломки старых теорий и который — при незнании диалектики — неминуемо ведёт к идеализму.

Этот вопрос о соотношении релятивизма и диалектики едва ли не самый важный в объяснении теоретических злоключений махизма» (295).

В этом ленинском анализе причин «физического» идеализма нет и намёка на смешение «двух понятий» материи. Злоключения «физического» идеализма заключаются не в смешении «двух понятий» материи, а в том, что он субъективизирует образ материи (понятие, теорию), отрывает его от его основы — объективного мира, образом которого он и является, — и объявляет единственно существующим. Чтобы оправдать это антинаучное положение, позитивисты развили идеалистическую теорию познания, пытаясь показать, что она является прямым следствием новейшего естествознания. Ленин обращал особое внимание на активность нынешней буржуазной философии именно в области гносеологии: «По крайней мере позитивизм вообще и махизм в частности гораздо больше занимались тонкой фальсификацией гносеологии, подделываясь под материализм, пряча идеализм за якобы материалистическую терминологию, — и мало сравнительно обращали внимания на философию истории» (316).

В борьбе против махизма Ленин мастерски применил учение марксизма о материи и формах её существования, марксистскую теорию познания материального мира. Анализируя и обобщая «новейшую революцию в естествознании», Ленин развил марксизм дальше. Он показал, что все гносеологические трудности развития современной физики разрешаются марксистской теорией познания.

Тем самым Ленин показал, что выход из кризиса физики состоит в принятии учения диалектического материализма и творческом применении его в качестве орудия исследования в конкретных науках. Об этом есть и прямые указания Ленина: «Материалистический основной дух физики, как и всего современного естествознания, победит все и всяческие кризисы, но только с неременной заменой материализма метафизического материализмом диалектическим» (292).

Известно, что Ленин и позднее указывал на эту задачу; в своём, можно сказать, философском завещании — статье «О значении воинствующего материализма» Ленин писал: «...мы должны понять, что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести её до конца с полным успехом, естествознатель должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то-есть должен быть диалектическим материалистом» *).

*) В. И. Ленин, Сочинения, т. 33, стр. 207.

Трудно понять, как можно богатство этого учения, так мастерски и конкретно развёрнутого Лениным в его гениальном труде «Материализм и эмпириокритицизм», подменить надуманной схемой и утверждать, будто «ключом» (слово-то какое!) к разрешению кризиса физики является разграничение философского и физического понятия материи.

Достаточно рассмотреть один-два примера из истории идеологической борьбы в физике, чтобы увидеть, что «разграничение философского и физического понятий» материи не помогает в борьбе с идеализмом. Никто, например, не сможет отрицать, что выводы о «тепловой смерти мира» идеалистичны. Но чем же в борьбе с этим идеализмом помогает «разграничение двух понятий материи», ведь в плане этой концепции вполне возможно признавать объективное существование трупа вселенной, погибшей тепловой смертью, то-есть наличие материи, потерявшей свой атрибут — способность к превращениям! Точно также разграничение двух понятий материи не помогает в борьбе с идеализмом в области, например, космологии, со всеми его суждениями о конечности вселенной, расширяющейся вселенной и т. п.

Только целостное учение диалектического материализма о материи и её формах существования, о законах её отражения в сознании человека является безотказным оружием в борьбе против всякого идеализма.

15. В чём же заключается вред концепции «двух понятий» материи?

Ответ на этот вопрос станет ясным в связи с рассмотрением ситуации, сложившейся в советском естествознании в период после построения социализма в нашей стране. Какова же эта ситуация?

Указания партии по вопросам развития агробиологии, физиологии и других естественных наук, дискуссии по отдельным научным вопросам, проведённые в научных организациях и в печати, вскрыли идеологическое неблагополучие в ряде наук. Обнаружилось, что некоторая часть советских учёных некритически воспринимает идеалистические утверждения и теории зарубежных школ. Налицо оказалось своеобразное положение: эта часть советских учёных, как и подавляющая масса их, в большинстве своём также приняла диалектический материализм, приняла искренне, но как *общую* теорию, имеющую значение в применении к общественным явлениям; в своей же профессиональной области, в естествознании, иногда незаметно для себя она оказалась на позициях, чуждых марксистской философии. Мы должны найти объяснение тому, как стала возможной такая ситуация.

Немалую роль сыграла в этом концепция «двух понятий» материи, если иметь в виду гносеологическую сторону вопроса.

Сложившаяся у многих естествоиспытателей концепция «двух понятий материи» примитивно рисует методы борьбы за материализм в современной науке. Она нацеливает естествоиспытателей не на то, чтобы активно использовать при анализе конкретных наук весь арсенал марксистско-ленинской философии — учение о материи и формах её существования, о превращении «вещей в себе» в «вещи для нас», т. е. всю материалистическую теорию познания, — а на то, чтобы ограничиться признанием существования материи, предоставив конкретной науке любым образом решать вопросы о формах существования материи и путях её познания. Это, дескать, вопросы, касающиеся только конкретной, физической науки, физического (или естественно-научного) понятия материи.

Объективно-вредное значение концепции «двух понятий» материи состоит в принижении руководящей роли марксистской философии как инструмента познания в конкретных науках, в попытке освободить естествознание от руководящего влияния марксистской философии. Эта концепция явилась гносеологической формой, через которую совершается сползание к идеализму отдельных естествоиспытателей, в их специальной области.

Именно такая концепция «двух понятий» материи служила прикрытием для сторонников вейсманизма из среды советских учёных; в самом деле, заявляли они, ведь признаём же мы, что наследственная плазма, реализуемая в генах, существует как некоторая реальность, независимая от человека, а большего, де, философский материализм и не требует, ибо теория наследственности — всецело дело компетенции конкретных наук. Известно, однако, что эта позиция оказалась ложной и как раз в теории наследственности завела последователей такой концепции в идеалистический тупик. Как ни пытались «материализовать» вейсманистскую наследственную плазму сторонники вейсманизма из среды советских учёных, всё же оказалось, что наследственность у них подчинена некоей субстанции, не взаимодействующей со всем материальным организмом, не имеющей, следовательно, материальной формы существования, то-есть мистической, духовной субстанции. Совершенно также и развитие организма в целом оказалось у вейсманистов независимым от внешних условий, от бытия организма.

Некоторые советские сторонники вирховианства полагали себя материалистами на том основании, что в отличие от зарубежных идеалистов признавали клетки объективной реальностью; поэтому они считали себя вправе относиться с усмешкой к работам О. Лепешинской, направленным против вирховианской теории, согласно которой клетки порождаются только от клеток. Но задачу развития материализма в биологии решала именно

О. Лепешинская, перекидывавшая мост от одной формы материи к другой (от неорганической — к органической), а не её незадачливые оппоненты.

М. А. Марков вероятно верил, что в своём истолковании концепции дополнительности*) он застрахован от идеализма, так как в отличие от «зарубежных авторов» заранее признал объективность микромира. Однако признание объективности микромира на деле оказалось лишь той ценой, которая заплачена за то, чтобы снять с себя заботу о критическом анализе физических теорий с позиций марксистско-ленинской теории познания, развязать себе руки для принятия позитивистских взглядов, проповедуемых копенгагенской школой физиков.

С. Э. Хайкин признал наличие «методологических недостатков» в своём учебнике «Механика»**). Однако он усмотрел их в том, что в книге отсутствуют марксистские определения таких общих понятий, как материя, движение, пространство и время, а также в некоторых неудачных формулировках, которые «могут быть истолкованы против диалектического материализма». Видимо, он был уверен в том, что вставка указанных определений в соответствующие места книги сразу превратит учебник, написанный с позиций операционализма, в последовательно материалистический.

И здесь налицо — ошибка того же порядка: ценой признания существования объективной материи освободить себя от труда творчески применить в области конкретной науки материалистическую теорию познания.

Во всех этих случаях, как и в ряде других, концепция «двух понятий материи» сыграла вредную роль.

Для многих советских естествоиспытателей она послужила «теоретической» основой, оправданием всевозможных шатаний, сползания к идеализму.

Мы должны извлечь все уроки из опыта идеологической борьбы в различных областях естественных наук в СССР для того, чтобы правильно ориентировать учёных в вопросе о методах борьбы за материализм в конкретных науках.

Всепобеждающий метод борьбы с идеализмом в естествознании и разрешение всяческих кризисов в науке состоит не в надуманном различении «двух понятий» материи, а в том, чтобы руководствоваться учением марксизма о материи и общих формах её существования и научиться применять в естествознании

*) М. А. Марков, О природе физического знания, Вопросы философии, № 2, 1947.

**) См. С. Э. Хайкин, О методологических недостатках моего учебника «Механика» (письмо в редакцию), УФН, XL, 3, 1950 стр. 483.

марксистско-ленинскую теорию познания как целостное последовательное учение.

Вопрос о «двух понятиях» материи, который некоторые склонны считать лишь терминологическим, на практике вырос в принципиальный. Вредность этой концепции должна стать для всех очевидной *).

*) Замечание при корректуре. Статья была уже набрана, когда состоялось (4—10 июля) обсуждение рассмотренного в ней вопроса на заседаниях Учёного совета Института философии АН СССР (по докладу И. В. Кузнецова). Естественно, что обсуждение вопроса в Учёном совете не могло найти отражения в настоящей статье. Итоги обсуждения можно резюмировать коротко так: концепция «двух понятий» материи потерпела серьёзное поражение.
